

Полторак С.Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире.

СПб.: «Остров», 2018. 292 с.; ил.

Доктор исторических наук, профессор Сергей Николаевич Полторак, широко известный в кругах научной общественности в качестве одного из ведущих специалистов по проблематике истории Великой российской революции и Гражданской войны в России (1917-1922 гг.), выполнил специальное монографическое исследование, которое иначе как фундаментальным и не классифицируешь. Уже сама его структура показывает: автор несколько отошел от классических академических канонов выполнения подобных научных трудов. Но именно данное обстоятельство придало рецензируемой монографии уникальность, комплексность, преемственность идей в развитии. Причем оригинальность структуры монографического исследования не снизила потенциала одного из ее главных предназначений – достижение цели и решение задач, поставленных в научном труде. Он состоит из четырех разделов: 1) хроника событий; 2) историография мирных переговоров в Брест-Литовске; 3) источники; 4) участники переговоров в Брест-Литовске. Внутри этих разделов выделены 25 глав. Естественно, в монографии налицо введение, заключение, именной указатель, перечень источников и литературы.

Думается, что в подобной инновации Сергея Николаевича нет парадокса. Зато есть подтверждение того, что нестандартные ходы в творчестве имеют право на жизнь.

Конечно, ученого можно упрекнуть в том, что он избрал неудачную структуру для монографии. «25 глав – это мелкотемье, раздробленность, громоздкость и негибкость архитектоники исследования», – слышится рассерженный голос критика, приверженного исключительно к академическим канонам выполнения подобных научных трудов. Но здесь не тот случай. Архитектоника этого исследования как раз и отличается гибкостью. В мелкотемье также вряд ли можно упрекнуть нашего историка. Судите сами: раздел 2, глава 4. «Оттепель и застой как законодатели «историографической моды» (1957-1984)». Разве может быть признан мелкотемьем историографический анализ столь сложного и насыщенного периода развития советской исторической науки, хронологические рамки которого обозначены выше? Вряд ли.

В первом разделе представлена хроника событий, связанных с подготовкой и проведением переговоров в Брест-Литовске. В нем нет ссылок на источники и литературу. Но перечисление событий и не нуждается, полагает автор рецензи-

руемого научного труда (и правильно полагает), в специальном подтверждении, поскольку все или почти все они хорошо освещены в научной литературе. Здесь трудно что-либо возразить по существу. Но ценность раздела состоит в то же время в том, что в нем обобщены и упорядочены многочисленные сведения, позволяющие проследить динамику переговорного процесса. Во втором разделе С.Н. Полторак проводит относительно краткий (общим объемом свыше 6 печатных листов) анализ отечественной и зарубежной историографии проблемы. Третий раздел книги посвящен краткому анализу источников. В четвертом разделе ученый осуществляет попытку рассказать о людях – участниках переговорного процесса в Брест-Литовске.

Если же говорить об актуальности рассматриваемой проблемы, то необходимо дать следующую констатацию: автор рецензируемого фундаментального научного труда сформулировал здесь главный ее аспект так четко, что вряд ли стоит с ним в данной связи вступать в дискуссию. Он посчитал, что исследование истории Брест-Литовских мирных переговоров до сих пор не превратилось только в научную проблему, по-прежнему оставаясь полем как научных споров, так и политических спекуляций. Это тормозит и деформирует процесс познания истории мирных переговоров в Брест-Литовске.

Удачный методологический ход ученого – обозначение во введении монографии ее наиболее проблемных аспектов предмета исследования: вопрос, касающийся участия в переговорах Л.Д. Троцкого; изучение своеобразного политического балансирования Советского государства в период переговоров в Брест-Литовске между Четверным союзом и Антантой; изучение персоналий.

Продолжая речь о методологии данного научного труда, рецензенты полагают, что надо подчеркнуть такое обстоятельство: судя по текстологическому анализу монографии, ученый опирается главным образом на диалектический и диалектико-материалистический подходы. Это позволило ему составить четкие представления о противоречиях в развитии исторического феномена Брестского мира на различных этапах его развития. Монография также базируется на соединении проблемного и хронологического подходов. Причем проблемный подход является ведущим, ибо он для автора рецензируемого научного труда представляется наиболее оптимальным, так как позволяет относительно

полно охватить многоаспектность конкретно-исторической обстановки, в которой проходили переговоры в Брест-Литовске.

Между тем исследователь учел, что без реконструкции событий в их временной последовательности нельзя понять глубину содержания исследуемой проблемы (неслучайно хронологии посвящен специальный раздел монографии). Но чисто событийная история могла дать большой крен в излишне описательный ключ выполнения монографического исследования. Следовательно, появился бы избыточный фактографизм и эмпиризм. А, как метко писал в свое время Ф. Энгельс, «сколько бы ни было фактов и какими бы яркими они ни были, эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость»¹, то есть закономерность данного состояния или развития. Это можно сделать лишь на основе теоретического анализа фактов. Именно это мы и наблюдаем в фундаментальном труде Сергея Николаевича. И это стало возможным потому, что он, в частности, подошел вдумчиво к соблюдению оптимальных пропорций в соединении проблемного и хронологического подходов.

Достоверность научных результатов, полученных в данном монографическом исследовании, обеспечивается главным образом тем, что его автор проанализировал огромный пласт источников, как исторических, так и историографических. Причем именно проанализировал, а не подменял исследовательский анализ пространственным цитированием (данное явление наблюдается сегодня в отдельных работах).

Что примечательно: профессор С.Н. Полторака в третьем разделе монографии дал относительно лапидарную, но в то же время емкую характеристику источников, которые ему пришлось проанализировать в интересах своего фундаментального научного труда. Все закономерно. Ведь используемые в монографии источники определяют уровень и содержание научного поиска, правильность избранной концепции освещения исследуемой проблемы.

Свою характеристику источников ученый разработал исходя из их видовой принадлежности: материалы периодической печати; отдельные документы, опубликованные на многих языках, сборники документов, вышедшие из печати в разные годы, начиная с 1918 г.; мемуары, дневники, переписка; архивные документы. При этом он вышел на стройное, логически и исторически обоснованное обобщение о том, что если опубликованные источники в подавляющем большинстве изучены хорошо и широко используются в историографии, то архивные документы лишь частично введены в научный оборот. Более того, отечественные историки мало знакомы с содержанием зарубежных архивов. В то же время иностранные историки в сво-

их исследованиях редко используют документы, хранящиеся как в российских, так и в белорусских и украинских архивах.

Представляет ценный методологический ориентир для характеристики источников и замечание профессора С.Н. Полторака, что некоторые опубликованные источники носят смешанный характер, являясь одновременно, например, фрагментами из дневниковых записей и публикацией протоколов ряда документов.

Относительно материалов периодической печати, проанализированных в монографии, следует отметить небезынтересные подсчеты исследователя, согласно которым диапазон периодических изданий, в которых публиковались материалы, касающиеся переговоров в Брест-Литовске, огромен. В Москве, например, они печатались более чем в 30 газетах [157]².

Относительно же опубликованных документов ученый делает такое обобщение: они позволяют исследователям изучить многие стороны истории переговоров в Брест-Литовске в ноябре 1917 г. - марте 1918 г. Их анализ убеждает в том, что за столетний период формирования источниковой базы проблемы был накоплен и систематизирован крупный объем документальных сведений, позволяющий составить устойчивое представление о событиях, связанных с переговорным процессом. Это во многом подтверждает и богатая историография проблемы. Подобный вывод автор рецензируемого научного труда сделал на базе анализа, для примера, 24 документальных публикаций (в их числе и сборники), изданных только на русском, украинском и болгарском языках³. Ясно, что подобное обстоятельство придает выводу, о котором идет речь выше, большую научную весомость.

Но особенное внимание в рецензируемой монографии акцентируется на характеристике неопубликованных документов. Думается, что это рациональный исследовательский ключ.

Смирное бессмертие архива!

Перспектива: истереться в пыль

Советский поэт-фронтовик Б. Слуцкий нарицал печальную, но реальную перспективу архивных документов, если они не станут достоянием исследователей. Не стоит доказывать того, что уже прекрасно доказано предшественниками: архивные документы и материалы составляют наиважнейшую часть источниковой базы любого исторического исследования. Тем более если провести сверку некоторых архивных документов и материалов с опубликованными документами и материалами в различных изданиях (что, кстати, и делает наш автор в отдельных фрагментах своего научного труда), то всегда между ними можно обнаружить расхождения, порою достаточно серьезные. Они связаны главным образом с тем, что не все предназначалось в документах для открытой печати. И вообще,

один из постулатов источниковедения гласит: открытые источники не всегда содержат правдивую информацию. Следовательно, архивные документы и материалы могут выступать в роли своеобразного «индикатора достоверности»⁴. Правда, здесь нельзя не учитывать того серьезного обстоятельства, что, как справедливо отмечал советский ученый Л.Е. Шепелев, архивные документы отнюдь не являются безусловно достоверными и «как любой другой исторический источник во всех случаях требуют к себе критического отношения»⁵. Рецензенты полагают, что профессор С.Н. Полторака нашел здесь гармоничное сочетание, особенно в плане критического отношения к архивным документам.

Ученый, характеризуя неопубликованные документы, обратил внимание на очень важный факт: до сих пор не до конца использованы возможности архивов разных государств. Особенно недостаточно изучены документы, хранящиеся в архивах Турции и Германии. Кроме того, утверждает историк, при изучении персоналий важную роль играют документы, хранящиеся в фондах других государств и российских регионов. Например, в Латвийском государственном историческом архиве (*Latvijas Valsts vēstures arhīvs*) и Государственном архиве Республики Крым.

Рецензентам представляется принципиальным отметить, что автор монографии характеризует, наряду с письменными источниками по рассматриваемой проблеме, которые отложились в ряде архивных учреждений, и такой уникальный (для предмета исследования его научного труда) пласт документов, как фотографии и документальные кинофильмы. Учитывая, что кинофильмы не были звуковыми, условно, как и фотографии, их можно было бы назвать материально-визуальными, поскольку мы имеем возможность не только созерцать и анализировать изображение, но и получать представление о материалах, из которых они были изготовлены. «Это позволяет не только ощутить колорит времени, но и оценить технологии изготовления фотопластинок, фотографий и кинолент» [102], – утверждает С.Н. Полторака. Здесь можно, конечно, подискутировать с ним, но в конечном итоге лучше согласиться.

Размышляя об источниковедческой ценности фотографических материалов, касающихся Брест-Литовских мирных переговоров (частично они отражены в виде открыток), автор монографии приводит небезыңтересные личные подсчеты: только в Советской России было опубликовано порядка 20 видов открыток, посвященных Брест-Литовским мирным переговорам. Причем часть из них ученый разместил в данном монографическом исследовании, что, безапелляционно, придало ему определенный колорит, связанный с постулатом, что «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Если давать обобщенную оценку историографическому анализу феномена Брест-Литовских мирных переговоров, представленному в рецензируемом фундаментальном научном труде, то можно констатировать следующее: Сергей Николаевич Полторака, во-первых, исследовал, без преувеличения сказать, не только массивный, но и разнообразный пласт историографических источников (см. список источников и литературы в монографии); во-вторых, вдумчиво, бережно, корректно, но в то же время и критично (просим не путать с критиканством), отнесся к историографическим наработкам предшественников, особенно творивших в советский период развития исторической науки; в-третьих, полностью учел методологическую специфику проблемно-тематических историографических исследований.

И здесь ему помогли опять же два четких методологических посыла, оттолкнувшись от которых, ученый провел историографический анализ рассматриваемой проблемы:

1. В каждой стране в изучении проблемы свои историографические особенности, – утверждает профессор С.Н. Полторака. Среди особенностей, присущих отечественной историографии, следует отметить ее жесткую зависимость от внутриполитической ситуации, а также тяготение к озаменованию «круглых» исторических дат всплеском публикаций. Поскольку эта монография предназначена в первую очередь для русскоязычных историков, особое внимание в ней уделено научным исследованиям истории Брест-Литовского мирного договора на русском языке. В то же время, возможно, впервые в научной литературе, в книге осуществлена попытка рассмотрения проблемы на фоне развития мировой историографии.

2. Этапы развития историографии проблемы в разных странах разные. Но для удобства восприятия ее динамики русскоязычным читателем зарубежная историография искусственно «встроена» в этапы отечественной историографии, что имеет свои преимущества и недостатки. Главным недостатком является то, что попытка рассмотрения историографии поэтапно в каждой отдельно взятой стране сделала бы структуру историографического раздела очень сложной и запутанной. Мне как автору этой работы не кажется включение зарубежной историографии в структуру отечественной крупным недостатком, поскольку советская (российская) историография, на мой взгляд, во все времена в каком-то смысле диктовала зарубежным коллегам направление развития изучения истории Брест-Литовского мирного договора. Во всяком случае, многие зарубежные публикации были явным или косвенным откликом на публикации в нашей стране. В силу закрытости советского общества полемика вокруг проблемы вплоть до 1985 г. носила усеченный характер. Но отвергать полностью заочную дис-

куссию историков разных стран, включая СССР, было бы бессмысленно.

Пожалуй, наиболее сложным стало для исследователя разобраться с советской историографией проблемы. Ведь она являлась до предела, иногда даже и за гранью здравого смысла (особенно в период культа личности И.В. Сталина) заидеологизированной и заполитизированной. Плюс к этому советская историческая наука задыхалась в тисках цензуры. И профессор С.Н. Полторака смог это обстоятельство всемерно учесть. Наглядная иллюстрация тому – удачное деление советской историографии рассматриваемой проблемы на историографические этапы: первый этап – 1918 год, год, как установил ученый, всплеска исследовательского интереса к проблеме; второй этап – 1920-е – начало 1930-х гг. – этап, когда утратился у историков интерес к изучению проблемы; третий этап – примерно 1932-1933 гг. – вплоть до 1956 г. – этап стремительно нарастающего процесса мифологизации личной роли И.В. Сталина в истории подготовки и проведения переговоров в Брест-Литовске; четвертый этап – 1956-1985 гг. – этап захватывает периоды оттепели и застоя. Оттепель не внесла качественных перемен в изучение проблемы, но сменила хамские формулировки сталинских лет на более деликатные. Переход от оттепели к застою в историографии Брестского мира остался незамеченным. Выглядят убедительными и выводы С.Н. Полторака, синтезированные на базе анализа каждого историографического этапа:

1. Историография Брест-Литовского мира, формировавшаяся в 1918 г., отличалась от последующей историографии широким спектром мнений об итогах переговоров. Историографическую ситуацию того года в России можно считать уникальной и неповторимой, поскольку она отразила в себе состояние политических сил в стране на коротком отрезке борьбы большевистской партии за единоличную власть. Вся последующая историография проблемы вплоть до 1991 г. развивалась в рамках деятельности одной партии, что резко «обесцветило» историографическую палитру.

2. Книга У. Черчилля⁶, переведенная на русский язык, стала, пожалуй, одним из последних зарубежных изданий, которое вышло в свет в относительно свободной исторической среде Советского Союза. Последующие годы убедительно показали, что советская историческая наука вступила в качественно новый этап – этап жесткой зависимости от проводившейся государственной политики.

3. По внутривосточным причинам, в том числе и вследствие историографической изолированности ученых от достижений зарубежных коллег, историография Брест-Литовского мира в ходе третьего этапа по существу не развивалась. За

четверть века – с начала 1930-х до начала второй половины 1950-х гг. – советская научно-историческая литература о Брест-Литовском мире не приобрела ни новых идей, ни новых фактов. Она лишь обросла крайне политизированными штампами, которые довели проблему, как уже отмечалось, до схематичного описания и, как следствие, схематичного понимания. Тот период пагубно сказался на изучении истории Брест-Литовских переговоров и всей исторической науке в СССР в целом.

4. Самый долгий этап развития историографии завершился накоплением большого массива новых сведений об истории Брест-Литовского мира, которые использовались неэффективно в силу политического субъективизма. Это было свойственно не только историкам Советского Союза, но и ученым других стран. Политический спрос порождал псевдонаучное предложение, вносящее в историографический процесс много неразберихи. Наступившая в СССР перестройка не разрешила, а, наоборот, усугубила проблему, однако создала предпосылки для выбора правильного пути дальнейшего развития историографии проблемы.

С.Н. Полторака, базируясь на обстоятельном анализе историографии и источников, утверждает, что история мирных переговоров в Брест-Литовске в ноябре 1917 г. – марте 1918 г. за минувшие сто лет разрабатывалась успешно. Однако в настоящее время остается ряд направлений исследований, нуждающийся в дальнейшей активной разработке. Среди них – изучение персоналий участников переговорного процесса и их роли в решении стоявших перед делегациями задач; исследование архивных документов, оставшихся до сих пор вне поля зрения историков. В первую очередь это документы, хранящиеся в архивах Германии и Турции. Необходимо масштабный историографический анализ публикаций авторов разных стран, который позволил бы, с одной стороны, представить полную историографическую картину достижений исследователей, а с другой, дал бы возможность избежать дублирования исследования отдельных исторических сюжетов.

На основе анализа историографии разных стран, новых источников и их сопоставления следует осуществить историко-философское переосмысление итогов мирных переговоров в Брест-Литовске. Что, собственно говоря, Сергей Николаевич успешно сделал, проложив дорогу другим исследователям.

Колоритным получился раздел монографии, в котором даны эскизы исторических персоналий – участников Брестского процесса. Спрашивается, почему эскизы? Да потому, что каждая из исторических персоналий, фигурирующих в монографическом исследовании, достойна отдельной научной разработки хотя бы на уровне научной статьи, а отдельные – и на уровне спе-

циальных монографий. Но если такое условие реализовать на практике, то в рецензируемой монографии появился бы как минимум еще один том, а может быть, и больше.

Раскрывая каждую из исторических персоналий, С.Н. Полтораки вновь демонстрирует обостренное методологическое чутье, что позволяет ему учесть специфику исследований в сфере биографической истории. Не мудрено: наш профессор известен в широких кругах научной общности как мастер исторического портрета⁷.

Представляется принципиальным подчеркнуть то, как ученый обосновывает необходимость разработки исторических персоналий-участников Брест-Литовских переговоров. Он отмечает, что до сих пор никто не задавался простыми вопросами: почему именно эти люди были вовлечены в переговорный процесс? Каков был их профессиональный уровень и насколько он соответствовал решавшимся задачам? Что представляли собой их человеческие качества, всегда влияющие на ход событий, если речь идет о событии крупного масштаба, каковым были те переговоры. Видя эти лакуны и ряд других неразработанных исторических сюжетов, связанных с персоналиями, имевшими отношение к Брест-Литовским событиям ноября 1917 г. - марта 1918 г., Сергей Николаевич систематизировал уже в основном известные сведения об участниках переговоров, внося некоторые уточнения в тех случаях, когда данные, имеющиеся в историографии и в источниках, неточны.

Думается, что с изложенным выше можно и, пожалуй, нужно спорить, но трудно в конечном итоге с ним не согласиться. Причем, и это представляется рецензентам принципиальным, автору монографии интересны все без исключения участники переговоров, независимо от их должностного положения и страны, которую они представляли. «К сожалению, сведения о них нередко недостаточны для того, чтобы понять мотивацию руководителей государственных структур, влиявших на формирование команд, которым было доверено представлять свои правительства в Брест-Литовске» [196].

В монографии в конечном итоге приводятся сведения как о членах делегаций, так и об их техническом персонале, не наделенном дипломатическими полномочиями. Правда, многие сведения, сетует исследователь, к сожалению, очень кратки, а порой и противоречивы. Это связано с дефицитом источникового и историографического материала.

Анализ исторических персоналий позволил историку выйти на обобщение, которое явно стало приращением новизны в исследовании феномена Брест-Литовска: он утверждает, что, возможно, никогда в истории мировой дипломатии делегации, встретившиеся на переговорах, не были столь разными. Они разитель-

но отличались друг от друга по политическим убеждениям, образованию, социальному происхождению, воспитанию, возрасту и, главное, по пониманию перспектив развития Европы и человечества в целом.

В рецензируемом фундаментальном научном труде налицо и авторские положения, которые иначе как насыщенными новизной и не назовешь:

1. На протяжении десятилетий сотни авторов анализировали деятельность советской делегации и отдельных руководителей советского государства, внимательно следивших за ходом переговоров. Но до сих пор никто не обратил внимание на тот факт, что отсутствие опыта дипломатической работы, как и неимение опыта управления государством, пагубно повлияли на ход переговорного процесса. В поступках советского руководства и членов делегации не просматривается четкого и планомерного алгоритма решения конкретных задач, качественно влиявших на формирование итогового переговорного документа.

2. Мы никогда не узнаем о подробностях той беседы В.И. Ленина с Ж. Садулем, но вряд ли могли найтись какие-либо аргументы, которые были бы способны убедить вчерашних союзников по военной коалиции коренным образом изменить свои планы. Геополитические интересы Франции, Великобритании и США были столь внушительны, а их положение на фронте столь оптимистичным, что нельзя было рассчитывать на коренные изменения в подходах руководства этих государств к перекраиванию планеты.

Кроме того, странно было тратить время на попытку привлечь в свой лагерь союзников старой России в то время, когда новая Россия не могла им предложить ничего, кроме участия в мировой революции. Надо ли было предлагать богатым добровольно поучаствовать в лишении самих себя своего состояния вместо того, чтобы они использовали свои хорошие шансы на увеличение собственных богатств в результате победы над Четверным союзом? (Какая утонченная ирония. Но попробуй здесь автору отказать в логике. Не получится)

3. История переговоров в Брест-Литовске во многом изучена, но не осмыслена. Это порождает бесконечные споры об их итогах. Мало кто задумывается над тем, что проигравшее переговоры Советское государство сохранило и укрепило свою власть. Добившаяся признания странами Четверного союза Украинская Народная Республика свою государственность сохранить не смогла. Более того, все страны Четверного союза пережили не только поражение в Первой мировой войне, но и революционные события, в корне изменившие как судьбу государств-империй, так и личную судьбу каждого из участников переговоров в Брест-Литовске.

4. В процессе переговоров о мире в Брест-Литовске советские дипломаты действовали немело, с революционным апломбом, совершив многочисленные ошибки, которые дорого обошлись России. Но когда на борцовский ковер выходит атлет, никто и не ожидает от него изящных балетных па. Советская делегация отстаивала свою революционно-дипломатическую позицию так, как себе ее представляла. И отстояла как сумела. Результат известен, но его оценки до сих пор, спустя сто лет, остаются разными. Так и должно быть, потому что у каждого из нас есть собственное представление о счастье и социальной справедливости.

И, конечно же, нельзя не отметить блестящий литературный стиль ученого-историка. Он умело сочетает научный стиль с научно-публицистическим, а в отдельных фрагментах и сюжетах своего труда даже – с литературно-художественным. При этом ученый умело применяет и утонченную иронию, построенную между тем на жесткой логике.

Наивно полагать, что выполняя подобные научные труды, автор избежит критических замечаний, поиска недостатков. Выскажемся в данной связи и мы.

Сергей Николаевич Полторацк, выделив историографические этапы, жестко определил их хронологические рамки (например, 1954-1984 гг.). Нам представляется такой ключ не совсем удачным. В историографическом анализе трудно точно определять хронологические границы историографических периодов и этапов. Здесь надо учитывать силу инерции мышления исследователей и сложности восприятия социумом радикальных изменений, а также и ломку динамических стереотипов. Не могли же, к примеру, историки, проснувшись на другой день после окончания работы XX съезда КПСС, сразу отбросить догматы периода культа личности. Так что хронологические рамки, о которых идет речь выше, должны быть более широкими (например, если вести речь о хрущевской оттепели, то можно хронологические рамки обозначить так: вторая половина 1950-х - первая половина 1960-х гг.).

Видимо, во введении монографии историку все-таки следовало бы обозначить личностную методологическую позицию (это важно сегодня, когда отдельные ученые путают методологический плюрализм с «методологическим плюмажем»). И тогда рецензентам не пришлось бы проводить текстологический анализ рецензируемого научного труда, чтобы установить методологические пристрастия его автора.

Думается, что в характеристике источников следовало предусмотреть бы большой объем для эго-документов.

В перечне источников и литературы научно-справочные издания представляется целесообразным выделять в отдельную рубрику.

Конечно, подобные недостатки (подчеркнем еще раз, в интерпретации рецензентов) никоим образом не могут девальвировать серьезные научные результаты, полученные автором в его фундаментальном научном труде.

Отечественная историография пополнилась оригинальным, комплексным исследованием исторического феномена Брест-Литовска. Глубина и неординарность раскрытых в нем проблем, видимо, создаст и дискуссионное поле. А от этого только выиграет наша историческая наука в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.542-543.
- ² Здесь и далее по тексту будут указываться страницы данного рецензируемого научного труда. – Г.И., Т.В.
- ³ См. напр.: Берестейский мир. Спомини та матеріали з нагоди 10-тих роковин. 9.02.1918-9.04.1928 рр. Львів-Київ, 1928; Инструкции, циркуляры и приказы с приложением мирного Брестского договора, декретов Совнаркома, извлечений из протоколов заседаний Совета экспертов, протокола совещания о ликвидации б/ частных банков и прочих справочных материалов / 1-е Отд. Нар. банка. Петроград. Пг.: Тип. акц. о-ва «Фридрих Кан», 1918. 364 с.; Лечев В.С. България на мирните преговори в Брест-Литовск (1917-1918): Сб. док. В. Търново: Астарта, 2007. 363 с. (Болгария).
- ⁴ Академик РАН Ю.А. Поляков, к примеру, очень четко заметил, что архивные фонды полны неожиданностей. Удивительные факты иногда обнаруживаются внезапно, «как вылетает моль из бабушкиного сундука» (Поляков Ю.А. Историзмы. Мысли и суждения историка. М., 2001. С.29).
- ⁵ Шепелев Л.Е. Работа исследователя с архивными документами. М.-Л., 1966. С.88.
- ⁶ Черчилль У. Мировой кризис. / Пер. с англ.; с предисл. И. Минца. М.; Л.: Государственное военное издательство, 1932. 328 с.
- ⁷ В частности, Сергей Николаевич является автором монографии, посвященной исторической персоналии А.И. Верховского (Полторацк С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб.: «Остров», 2014. 298 с.). Один из авторов данной рецензии дал в свое время положительный отзыв о монографии, упомянутой выше (Ипполитов Г.М. Рецензия. Полторацк С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб.: Остров, 2014. 298 с. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т.17.№3. С.335-338).

*Доктор исторических наук, академик
Академии военных наук, профессор кафедры
философии Поволжского государственного
университета телекоммуникаций и информатики
Г.М. Ипполитов*

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Поволжского государственного университета
телекоммуникаций и информатики
Т.В. Филатов*